

Ахметсагирова Лейсан Исламовна

ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕММ В РУССКО-НЕМЕЦКИХ СЛОВАРЯХ XIX ВЕКА

В данной статье рассматриваются способы подачи грамматических характеристик лемм в русско-немецких словарях XIX века. Изучаемый корпус словарей анализируется с точки зрения представленности в словарных статьях фактических грамматических характеристик русских слов – информации, позволяющей пользователю образовать элементы парадигмы русской леммы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 16-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'374

Филологические науки

В данной статье рассматриваются способы подачи грамматических характеристик лемм в русско-немецких словарях XIX века. Изучаемый корпус словарей анализируется с точки зрения представленности в словарных статьях фактических грамматических характеристик русских слов – информации, позволяющей пользователю образовать элементы парадигмы русской леммы.

Ключевые слова и фразы: русско-немецкие словари; XIX век; фактическая парадигматическая характеристика; лемма.

Ахметсагирова Лейсан Исламовна, к. филол. н.
Казанский федеральный университет
al_humanity@mail.ru

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕММ
В РУССКО-НЕМЕЦКИХ СЛОВАРЯХ XIX ВЕКА[©]**

*Статья опубликована при финансовой поддержке
в виде гранта Германской академической службы обменов (DAAD).*

Данная статья является продолжением публикаций, посвященных изучению русско-немецких словарей XIX века, авторами-составителями которых являлись лексикографы, жившие и творившие в Германии. Как уже отмечалось в статье «Фонетическая информация в русско-немецких словарях, изданных в Германии в XIX веке»¹, подобные исследования ценны как в теоретическом, так и в практическом плане. Входя в круг работ, посвященных истории становления лексикографии как научного направления, они позволяют, например, проследить эволюцию взглядов лексикографов прошлого на функции, выполняемые словарем. Чем является словарь: лишь пособием, предоставляющим пользователю полноценный и точный перевод? Или же это также справочник, в котором изучающий язык должен получить по возможности полную информацию об описываемом языке (о его единицах), необходимую ему для пассивного восприятия или активного использования данного языка в тех или иных целях? Результаты исследования, отражающие «опробованный» на многих поколениях опыт лексикографической практики, могут представлять интерес при составлении одно- и многоязычных словарей, рассчитанных на публику, изучающую русский язык как иностранный.

В настоящей публикации будут рассматриваться «фактические» (по В. П. Беркову) парадигматические грамматические характеристики русских лемм. Фактические грамматические характеристики позволяют пользователю образовать любой элемент парадигмы (т.е. любую форму) слова и сообщают языковой материал в его реальном виде: окончание, словоформу и т.д. (ср. [1, с. 102]). В центре нашего внимания будут находиться объем и способы подачи данных характеристик в изучаемых словарях. Как уже явствует из названия статьи, данный аспект будет изучаться с точки зрения его адекватной представленности для пользователя-немца, поскольку именно для него важны подробные парадигматические сведения при лемматизируемых единицах русского языка, который, как известно, богат различными (часто не подчиняющимися общим правилам и изобилующими особенностями и исключениями) грамматическими формами.

Вопрос об объеме и способах подачи парадигматической информации является центральным в современной лексикографии; он был актуальным и для лексикографов прошлого. Будучи в большинстве случаев учителями русского и других иностранных языков, авторы словарей знали потребности своих пользователей и стремились (по мере возможности²) им соответствовать, пытались, например, найти целесообразное решение указанной проблемы.

Материалом, на основе которого будет проводиться анализ, послужат 12 изданий русско-немецких словарей, хронологически охватывающих все XIX столетие. При этом в ряде случаев для анализа используются два издания одного и того же словаря – первое и последнее переработанное. Подобное решение обусловлено стремлением проследить за возможными изменениями в объеме и способах подачи грамматических характеристик, в том числе в рамках различных изданий того или иного словаря.

Как показывает анализ, в плане наличия в словарях информации, позволяющей пользователю-немцу образовать элементы парадигмы русского слова, удовлетворительной можно считать ситуацию с прилагательными и причастиями. Как известно, окончания у данных частей речи отличаются относительной регулярностью. В связи с этим большинство лексикографов довольствуются указанием на их частеречную принадлежность и не приводят их флексий. Исключение представляют [11; 12; 13], в которых у прилагательных, а также страдательных причастий, обозначаемых автором как прилагательные, дополнительно приводятся окончания ж.р. и с.р.³: Агнчий, *ia, ie, adj.* vom Lamme; Lamms= [13]; Адский, *ая, ое, adj.* höllisch; unerträglich;

[©] Ахметсагирова Л. И., 2013

¹ См. Ахметсагирова Л. И. Фонетическая информация в русско-немецких словарях, изданных в Германии в XIX веке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (22). Ч. 2. С. 19-21.

² Следует отметить, что словари в XIX веке (как и большинство печатных изданий) были дорогими, и не каждый мог позволить их себе. С целью установления цены, приемлемой для более широкого круга людей, авторам приходилось «сжимать» словари, что-то не включать в них (например, грамматический очерк, устаревшую лексику и т.д.).

³ Примеры приводятся в том формате (полужирный шрифт, разбивка и т.д.), в каком они даны в словарях.

Брошенный, ая, ое, *adj.* geworfen, verfallen; *Пагубный*, ая, ое, *adj.* verderblich, schädlich; unglücksbringend [12]. В [4] флексии ж.р. и с.р. указываются только у притяжательных прилагательных: **бычати́на** <...>; -ча́чий, чья, чье, а. (zu быкъ) Ochsen= (о́кс=).

Следует также отметить, что отдельное внимание большинство авторов пытается уделять неправильным формам степеней сравнения, которые получают либо статус отдельной леммы, либо приводятся непосредственно при соответствующем прилагательном в положительной степени: **бо́льший**, а. *comp.* größer; **лучь** <...>; -чше *comp.* von хоро́шó besser <...> [Там же]; **ме́нѣе** weniger (*comp.* в. мало) [5]; **Ми́лостивѣйший**, ая, ое, *adj. superl.* gnädigster, e, es [10].

В [4], кроме того, приводятся другие члены парадигмы: так называемые «усеченное имя прилагательное» и «усеченная форма сравнительной степени» [Там же, с. IV]: **свѣ́жій**, -жая, -жее (*pd.* свѣ́жъ, -жа́, -жо, -жи; *pcd.* свѣ́жѣ) frisch; **хороше́нькій**, а. recht hübsch; -роше́нько *ad.* gehörig; ördentlich; -рошій (*pd.* -рошъ, -ша́, шó, -шú; *pcd.* лúчше) a. gut; brav; (краси́вый) schön <...>.

В [9; 10] хотя и не приводятся флексии при данных частях речи, но подробная информация о них содержится в грамматическом приложении.

Менее удовлетворительно обстоит дело в анализируемых русско-немецких словарях с информацией об образовании членов парадигмы русского существительного. В [6; 7; 8; 9; 11] флексии у данной части речи вообще отсутствуют. Правда, в [9] отсутствие фактических характеристик объясняется наличием сведений о существительных в его грамматическом приложении. В остальных словарях леммы-существительные наделяются окончаниями род. падежа: *Августъ*, а, m. der August, der Erntemonat; *Бочка*, u, f. die Tonne, das Faß [13]; **Бусы** (*Genit.* бусь) *f. pl.* Glas-Wachspferlen *f. pl.* [3]. Причем следует отметить, что присутствуют указания на: 1) появление беглой гласной: **бычóк**, -чкá, junger Ochs; *Kaulkopf* m., *Kaulquappe* *f.* [5]; **Мерзáвецъ**, -вца, m. abscheulicher, garstiger Mensch m.; <...> [2]; **Потоло́къ**, -лкá, m. Decke eines Zimmers *f.* [10] и 2) изменение/расширение основы: **А́встрия** <...>; -**рѣецъ**, -йца od. -йякъ Österreicher; **Брѣ́мя**, -ени, n. Bürde, Last, Beschwerde. *f.* [5]; **Ма́ть**, gen. máтери, *f.* Mutter; <...> [10]. В [2–5; 10] при леммах-существительных, кроме того, приводятся неправильные формы мн. числа: **Англи́я** <...>; -**лича́нини** Engländer m.; *pl.* -áne <...> [5]; **Бра́ть**, а, m. (*pl.* бра́тья, -евъ, бра́ты, братовья́): Bruder; *guter Freund m.; <...> [3]; <...> **Бо́яринь**, -а, m. (*pl.* Бо́яра, Бо́яре): Vojar, Magnat; gnädiger Herr <...> [12]; **Телёно́къ**, -нка (*pl.* теля́та, -ля́тъ) Kalb n. [4].

Неудовлетворительно представлены парадигматические характеристики у глаголов: [7; 10; 11] совсем не содержат данной информации. Однако следует отметить, что в [11] делается ссылка на грамматику автора-составителя, вышедшую годом ранее, а в [10] дается грамматическое приложение. В них пользователь имел возможность получить необходимые сведения о спряжении глаголов. Некоторые парадигматические сведения содержат [5; 6; 8; 9], в которых при неправильных глаголах приводится форма 1 л. ед.ч.: **Алка́ти**, (Алчу), *v.l.* hungern [8]; **Бра́ть** (беру́), *v.a.* nehmen; fassen, einnehmen; <...> [6]. В [9] автор приводит также некоторые формы неправильных глаголов в статусе самостоятельной леммы, содержащей отсылку на инфинитив, что, безусловно, важно и удобно для пользователя: Б е р у́, s. брать; Б е р у́ щ и́ й *p.a.* von Брать; Д а ю, s. Давать.

Более удобно (и информативно), на первый взгляд, приводится система фактических характеристик в [12; 13]. Неправильные и некоторые правильные глаголы непосредственно при лемматизированной единице содержат указание на основные формы глаголов: **Брѣ́ю**, ешь, брѣ́тъ, обр-, *fut.* вы́брѣю, *v.a.* barbieren; **Перево́жу́**, во́зишь, (praet. везь), во́зѣтъ, везть, *v.a.* hinüberführen (zu Wagen oder zu Wasser) [13]. Слабым местом данного принципа лемматизации является, однако, то, что глаголы приводятся в форме 1 л. ед.ч. Данная форма, как правило, представляет трудность для изучающих русский язык, поскольку у неправильных глаголов ее образование не подчиняется единым правилам. Предполагается, что пользователь уже знает данную форму, что, конечно же, не всегда соответствует действительности (особенно в случае начинающих). Не удивительно, что автор в дальнейшем (в других словарях) отказывается от данного принципа лемматизации.

По возможности полно отразить парадигматические характеристики глаголов пытаются [2–4]. Для этого в данных словарях используются различные способы подачи информации.

В [2; 3] в начале словаря приводится таблица, содержащая парадигмы спряжения 34 правильных глаголов, которые обозначаются цифрами от 1–34. В тексте словарей правильные глаголы также наделяются цифрами от 1–34, которые отсылают пользователя к соответствующему глаголу таблицы, точнее, соответствующей парадигме спряжения: **Обáлдѣтъ**, *v.l.* 7. betäubt werden; verblüfft werden; den Kopf verlieren. Неправильные глаголы содержат информацию об их парадигме спряжения непосредственно в тексте словаря при соответствующей лемме: **Бресту́**, **Брестъ**, (бреду́, бредѣшь, брѣль, бреду́), *v.n.* irr., -ся, *v.r.* langsam gehen; sich schleppen. Следующим положительным моментом в словарях является то, что некоторые формы глаголов получают статус самостоятельных лемм, отсылающих к инфинитиву: **Бреду́** s. Бресту́; **Беру́**, **Берѣшь** s. Брать.

Своеобразные способы подачи парадигматической информации используются в [4]. И здесь (в начале словаря) приводится таблица, но не правильных глаголов, а глаголов «с уклоняющимся спряжением», пронумерованных цифрами от 8–52; леммы-глаголы отсылаются к ним как к образцам спряжения: **Обда-ва́тъ** 39., -ся *vr. ab.* zu обда́тъ, -ся; <...> -**да́тъ** 38. (*voll.*) *va.* A.I. (о́кружѣтъ) umgeben; (о́катѣтъ) be-, über-gießen mit D. (z.B. mit Wässer); <...>.

Отдельно выделяются и объясняются в начале словаря еще семь групп глаголов (1–7). Цифры 1–6 при глаголах обозначают, что «коренные согласные буквы пред **е** и **ю** переходят в соответственные им шипящие <...>» [Там же, с. X]: **Перебрóс=тъ** I. 3. (*voll.*) *va.* hinü'berwerfen; цифра 7 – что «после коренных г у б н ы х (б, в, м, п, ф) пред **е** и **ю** вставляется л» [Там же]: **Огла́в=тъ** II. 7. (*voll.*) *va.* ein Inhaltsverzeichnis máchen.

Используются также римские цифры I и II, чтобы показать, что 1 л. ед.ч. имеет окончание **ю** или **у**, а 3 л. мн.ч. – **ать/ ять** или **юуть/ ять**.

Похвально стремление авторов данных словарей разъяснить образование парадигм глаголов, однако, на наш взгляд, более удобным способом представления данной информации (хотя бы у неправильных глаголов) было бы введение ее в тексте словаря, непосредственно у леммы. Необходимость поиска информации в различных местах вызывает определенные неудобства.

«Ахиллесовой пятой» словарей является также описание местоимений. В [8–11] парадигматические сведения данной части речи совсем не приводятся. Из фактических параметров в остальных словарях указываются только формы ж.р. и с.р. им. падежа (в некоторых случаях мн. числа им. падежа): **нашь**, -ша, -ше; *pl.* – ши *prt.* *únser*, *únser*, -ser, -s(e)re [4]; **Самь**, *m.*, *Samá f.*, *Samó n. pron. selbst*, *selber<...>* [2; 3]; **Самый**, *ая*, *о*, *pron. selbst*, *selber*, *selbiger*, *e*, *es*, *eigen<...>*; **Свой**, *оя*, *о*, *pron. sein*, *seine*, *sein*, *ihr*, *ihre*, *ihr*; *mein*, *meine*, *mein*; *ein Mensch*, *der uns abgeht*, *ein Verwandter* [12]. У изменяемых местоимений желательным было бы приведение форм род. падежа, которая для немцев, как правило, представляет трудность.

Только в [2–4; 12; 13] представлена некоторая парадигматическая информация у лемм-числительных. В числе фактических характеристик числительных чаще всего здесь приводится окончание род. падежа, хотя в этом авторы словарей не всегда последовательны (в некоторых случаях окончание опускается): **Двадцать**, *и. а. num. zwanzig* [3]; **Четыре** (рѣхъ, рѣмь ест.) *num. vier* [4]; **Обанадесять**, **Обанадесяте**, *num. (sl.) zwölf*; **Тридесать**, **Тридцать**, *и. num. dreißig* [12].

Подведем итоги. Как показал анализ, большинство авторов словарей видели в словаре не только средство перевода. Для них это был справочник, служащий и другим целям, в частности, предоставлению грамматических сведений о единицах описываемого языка. Согласно результатам исследования, еще не все изученные русско-немецкие словари содержали информацию, необходимую немцу-пользователю для образования элементов парадигмы той или иной части речи. Однако в тех словарях, в которых она содержится, наблюдается тенденция к увеличению объема парадигматической характеристики слов русского языка, хотя способы ее подачи не всегда были удобны и удовлетворительны для пользователя.

Список литературы

1. Берков В. П. Двухязычная лексикография: учебник. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Граниткнига», 2004. 236 с.
2. Боох-Аркосси, Ф. В., Фрей А. Л., Мессер Ф. Ручной словарь русско-немецкий и немецко-русский. Изд-е 2-е, исп. Лейпциг: Гессель, 1878. Ч. 2. Русско-немецкий словарь. VIII+1148 с.
3. Боох-Аркосси, Ф. В., Фрей А. Л., Мессер Ф. Ручной словарь русско-немецкий и немецко-русский. Лейпциг: Гессель, 1875. Ч. 2. Русско-немецкий словарь. VIII+1148 с.
4. Койранский З. Новый немецко-русский и русско-немецкий карманный словарь. Лейпциг: Таухниц, 1888. Ч. 2. Русско-немецкая. XV+439 с.
5. Манделькерн С. Шмидт. Русско-немецкий и немецко-русский карманный словарь. Лейпциг: Приемники О. Гольце, 1896. Ч. 1. Русско-немецкая. XII+416 с.
6. Потоцки Фр. А. Краткий словарь русского и немецкого языка по карманному словарю И. А. Э. Шмидта. Лейпциг: Гольце, 1876. 460 с.
7. Соловейчик И. Новейший карманный словарь русского и немецкого языков с русским произношением, содержащий встречаемые в обыкновенной жизни, в доме и путешествии слова: собрание разговоров и список необходимейших географических имен. Берлин: Штейниц, 1888-1890. Русско-немецкая часть. 435 с.
8. Шмидт И. А. Е. Новый карманной словарь российско-немецкий и немецко-русский. Изд-е стер. Лейпциг: Таухниц, 1842. Ч. 1. Российско-немецкая. 439 с.
9. Шмидт И. А. Е. Полный русско-немецкий и немецко-русский словарь в пользу обоих народов сочинением И. А. Е. Шмида. Изд-е 2-е стер., сов. перед. Лейпциг: Таухниц, 1844. Ч. 1. Русско-немецкая. 522 с.
10. Шмидт И. А. Е. Полный русско-немецкий и немецко-русский словарь для употребления обоих народов. Изд-е 3-е стер., сов. перед. Лейпциг: Гольце, 1880. Ч. 1. Русско-немецкая. 559 с.
11. Шмидт И. А. Э. Новый карманной словарь российско-немецкий и немецко-русский: содержащий все слова часто употребляемые в российских сочинениях и в общежитии. Лейпциг: Клейн, 1815. Ч. 1. Российско-немецкая. 8+1348 стб.
12. Шмидт И. А. Э. Ручный словарь российско-немецкий и немецко-русский. Изд-е пересм., исп. и доп. М.: Семена, 1839. Ч. 1. Российско-немецкая. 1048 с.
13. Шмидт И. А. Э. Ручный словарь российско-немецкий и немецко-русский. Изд-е стер. Лейпциг: Таухниц, 1823–1831. Ч. 1. Российско-немецкая. 454 с.

LEMNAS PARADIGMATIC GRAMMATICAL CHARACTERISTIC IN THE RUSSIAN-GERMAN DICTIONARIES OF THE XIXTH CENTURY

Akhmetsagirowa Leisan Islamovna, Ph. D. in Philology
Kazan' Federal University
al_humanity@mail.ru

The author considers lemmas grammatical characteristics presentation ways in the Russian-German dictionaries of the XIXth century, analyses the studied dictionaries corpus from the point of view of the Russian words factual grammatical characteristics presence in the dictionary entries – the information allowing the user to form the Russian lemma paradigm elements.

Key words and phrases: the Russian-German dictionaries; the XIXth century; factual paradigmatic characteristic; lemma.